Бородин Сергей Витальевич

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ В НОВЕЙШЕЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются подходы в новейшей германской историографии о месте и роли заключенного между Германией и СССР договора о ненападении 23 августа 1939 г. применительно к политизированным оценкам события в Польше, Балтии, России. Представлена обобщенная оценка пакта в послевоенной немецкой истории в сравнении с исторической традицией восточноевропейских стран.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 30-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(4)«1939.08.23»
Исторические науки и археология

В статье анализируются подходы в новейшей германской историографии о месте и роли заключенного между Германией и СССР договора о ненападении 23 августа 1939 г. применительно к политизированным оценкам события в Польше, Балтии, России. Представлена обобщенная оценка пакта в послевоенной немецкой истории в сравнении с исторической традицией восточноевропейских стран.

Ключевые слова и фразы: договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 23.08.1939; пакт Гитлера-Сталина; германская историография; региональная терминология.

Бородин Сергей Витальевич, к.и.н., доцент
Южный федеральный университет
dddboro@yandex.ru

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ В НОВЕЙШЕЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ©

За последние годы осмысление причин, сущности и последствий заключенного в Москве 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении вышло на новый уровень. Это связано с целым рядом причин. В 2005 году исполнилось 60 лет окончания Второй мировой войны. В 2009 г. – 70 лет со дня начало мировой войны. Официальные церемонии и выступления политических деятелей, международные конференции, всплеск публикаций, новые документы, политическая острота исторических вопросов даèт основание выделять этот период как самостоятельный подэтап в историографии темы.

Определенным историографическим рубежом явилась международная конференция «Международный кризис 1939-1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР», состоявшаяся 3-4 февраля 2005 г. в Москве. Были представлены точки зрения историков всех стран, которых, так или иначе, коснулись события тех лет. Подводя итоги обсуждению проблемы, академик А. О. Чубарьян высказал академическую оценку по дискуссионным вопросам конференции.

В частности, отдавая должное многофакторному методу в анализе и оценки событий 1939 г., А. В. Чубарьян подчеркнул, что действия СССР были продиктованы целым комплексом причин, как объективного, так и субъективного характера: «Здесь переплетались и задачи обеспечения безопасности страны, и тактические просчèты политического руководства в их реализации, издержки, связанные с неприятием мировой общественностью договора с фашистским режимом, воздействие на внешнюю политику сталинской тоталитарной системы власти, противоправные и аморальные действия по отношениям к странам, отошедшим к советской сфере интересов, что было официально осуждено Съездом народных депутатов в 1989 году» [1, с. 6].

Существующие расхождения у историков разных стран по оценке причин, содержания и последствий пакта А. В. Чубарьян призвал решать вне политической конъюнктуры и современных политических интересов. Нужно перейти, отметил академик, от идеи «кто виноват», от идеи взаимных обвинений к синтетическому комплексному изучению, обращаясь и к идеологии, и к проблемам безопасности, и к вопросам права, этики, морали, «осуждая всякие проявления нарушения прав государств, народов, человека, неоднозначно оценивая лидеров, общественных деятелей и дипломатов и т.д. <…>» [Там же, с. 15].

Ян Липинский (Германия) на этой же конференции выступил с докладом «Секретные протоколы Сталина и Гитлера – нескончаемая история с 1939 г.», в котором представил интересный анализ эволюции историографических оценок пакта в коммунистической Европе с 1945 г. Он пришел к выводу, что решающую роль в дискуссии о существовании и аутентичности протоколов, проходившей в Советском Союзе после 1945 г., сыграли Польша и страны Балтии. Среди дискуссионных вопросов Ян Липинский в первую очередь выделил вопросам о прямом или косвенном влиянии протокола на развязывание Второй мировой войны, о политике Сталина по отношению к расширению территории СССР, о мотивах и ответственности подписавших протокол сторонах [Там же, с. 43]. Выступление Я. Липинского было основано на результатах его фундаментального труда, посвященного 60-летней истории документа, сыгравшего большую роль в судьбах народов многих стран Европы [8]. В рецензии на его книгу С. Случ отмечает, что «американская публикация документов «Nazi-Soviet Relations, 1939-1941» (1948 г.), при всей еè односторонности не оставлявшая никаких сомнений в существовании секретных соглашений между СССР и Германией о территориальном разделе Европы на сферы интересов, не только положила начало «войне документов», но и обозначила одно из заметных направлений идеологической конфронтации на международной арене, задав направленность развития советской историографии международных отношений в 1939-1941 гг. [4, с. 194].

В 2008 г. А. О. Чубарьян издал фундаментальную работу, в которой попытался обобщить существующие знания о периоде 1939-1941 гг. и представить современные подходы к оценке позиций вовлеченных в военный конфликт стран. Справедливо отмечая, что в западной историографии 90-х гг. почти не появилось серьезных новых работ по рассматриваемому периоду, автор отметил существенную активизацию историков

© Бородин С. В., 2014

Польши и стран Балтии, в работах которых СССР подвергался резкой критике за «оккупацию» части Польши и Прибалтики, за массовые репрессии местного населения. Ряд историков этих стран включились в кампанию на государственном и общественном уровнях, целью которой было добиться от нынешней России извинений и покаяний за события 1939-1941 гг. Они политизировали историю, игнорировали вопрос о сущности тех режимов, которые существовали в странах Балтии до 1940 г., пренебрегали всесторонним анализом предвоенной ситуации, ограничиваясь осуждением Советского Союза [5, с. 13].

Важным политическим этапом явились оценки пакта в 70-летнюю годовщину начала Второй мировой войны. Официальную позицию российского государства изложил В. В. Путин в статье от 30 августа 2009 г. для польской «Газета —Выборча”» накануне своего визита в Польшу. В частности, В. Путин отметил: «Мы видим попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры. В некоторых странах зашли еще дальше – героизируют нацистских пособников, ставят в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов. Искусственно вырываются отдельные эпизоды из общего исторического фона, политико-экономического или военно-стратегического контекста. Предвоенная ситуация в Европе рассматривается фрагментарно и вне причинно-следственной взаимосвязи. Симптоматично, что передѐргиванием истории часто занимаются те, кто на деле применяет двойные стандарты и в современной политике… Сегодня мы понимаем, что любая форма сговора с нацистским режимом была неприемлема с моральной точки зрения и не имела никаких перспектив с точки зрения практической реализации. Однако в контексте исторических событий того времени Советский Союз не только остался один на один с Германией, поскольку западные государства отказались от предлагавшейся системы коллективной безопасности, но и стоял перед угрозой войны на два фронта – ведь именно в августе 1939 года до максимальной силы разгорелся огонь конфликта с японцами на реке Халхин-Гол» [3].

Немецкие историки приняли активное участие в осмыслении современных оценок договора. В тематическом выпуске журнала «Восточная Европа» за 2009 г., посвященном пакту Гитлера-Сталина, Стефан Трѐбст рефлексирует о месте этого события в исторической памяти Европы и приходит к выводу, что за исключением стран Балтии, Польши, Финляндии, Румынии и России пакт не занимает особое место в истории. Основываясь на известном делении Европы на политико-географические зоны, связанные с периодом «холодной войны, автор выделяет особенности восприятия событий августа 1939 г. в соответствующих историографиях. Так, для памяти и государственной истории Западной Европы, куда относятся и союзники – США и Канада, роковая дата разделения Восточной Европы на сферы влияния национал-социализма и большевизма практически не присутствует. Эти события меркнут перед историей совместной борьбы союзников против фашизма» [13, S. 251]. Для Германии также это время перекрывается катастрофическими событиями 1941-1945 гг. и последующими периодами существования двух государств до окончательного объединения.

А вот что касается Центральной Восточной Европы (Ostmitteleuropa), то здесь пакт Гитлера-Сталина является центральной точкой отсчѐта в государственной истории, памяти гражданского общества и личности. Именно этот договор положил конец короткому «золотому веку» национальной независимости, политического самоопределения и культурного развития. И не случайно в польской исторической традиции нападение Германии 1 сентября 1939 г. и советское вторжение 17 сентября оцениваются как две стороны одной медали. Ещѐ острее – память о 23 августе в трех странах Балтии, где она рассматривается не только как прелюдия к принудительной советизации, но и к потере государственности на долгие годы [Ibidem, S. 252]. Автор статьи приходит к заключению, что интерпретация и значение пакта дифференцируются в разных европейских зонах. На западе преобладает игнорирование события, на востоке – политизация и спекуляция, и найти общий консенсус в понимании и гармонизации общей европейской истории в данном случае в текущее время вряд ли представляется возможным.

Подтверждением общей оценки значения дискуссий о пакте среди немецких историков стало интервью профессора Бохумского университета Ганса Моммсена радиостанции BBC 20.08.2009 г. В ответ на вопрос корреспондента «В чем значение дискуссии о пакте для современной политики?» историк ответил, что «для Германии она не имеет практического значения. Главным наследием Второй мировой войны стала твердая решимость подавляющего большинства немцев избегать в дальнейшем каких-либо военных конфликтов». И на уточняющий вопрос о значении дискуссии для Восточной Европы ответ был определенным: «мы не хотим вмешиваться в сегодняшние споры между посткоммунистическими странами и Россией. И —русский вопрос”, и —польский вопрос” для нас давно закрыты» [2].

Интересно, что положительную рецензию в немецкой прессе заслужила книга Ричарда Овери (Richard Overy) «Последние 10 дней. Европа накануне Второй мировой войны. 24 августа – 3 сентября 1939 года», изданную в немецком переводе в 2009 г. Симптоматично, что для немецких историков вопрос о вине Гитлера в развязывании мировой войны не вызывает сомнений, и поэтому работа Ричарда Овери вызывает интерес, поскольку он одной из главных формальных причин войны называет упорный отказ Польши на уступки немецким соседям, что предопределило неизбежность вторжения [9, S. 10]. Солидарную ответственность Польши за развязывание войны автор выводит из всей межвоенной истории страны и тесной увязки внешней политики с позицией своих союзников. Тем не менее, автор не устаѐт подчѐркивать, что Гитлер в 1939 г. хотел всего лишь ограниченной войны с Польшей и не рассматривал еѐ как плацдарм будущей Германской империи [11, S. 114].

Знаковым событием в немецкоязычной историографии стало издание в 2011 г. сборника статей «Пакт Гитлера-Сталина 1939 года в культурной памяти европейцев» [6]. В этой работе авторы рассматривают

историческую память различных стран согласно тому политическо-географическо-религиозно-культурному делению, которое было отражено в статье С. Трѐбста в 2009 г. Это разделение впервые было сформулировано польским историком Оскаром Халецким в написанной в годы Второй мировой войны работе [7]. Предложенная классификация определила и структуру сборника. В оценках работы подчѐркивается, что книга стала ярким примером полифонии европейской памяти и значительным вкладом в процесс осмысления европейской идентичности [12, S. 101]. Особый интерес представляет вводная статья Д. Мюллера и С. Трѐбста. Так, оценивая развитие западноевропейской историографии проблемы, они выделяют несколько самостоятельных этапов. Первый из них был связан с периодом доминирования теории тоталитаризма до 70-х гг. прошлого века и имел характерную особенность – привязку внешней политики к истории дипломатии. Германия и СССР рассматривались как тождественные, ревизионистские системы межвоенного времени, и заключение пакта являлось логическим следствием их сотрудничества. В 80-е, и особенно в 90-е гг., пройдя временное увлечение теорией «превентивного нападения» Германии, всѐ больше исследователей стали отрицать слишком простые схемы, приведшие к формированию причин Второй мировой войны. Преобладающим подходом стало исследование всей совокупности действий активных игроков международных отношений, анализ развития и краха системы международной безопасности в 30-е гг., тем более что источниковая база значительно расширилась за счѐт открытых архивов. Единственным препятствием, кроме политических манипуляций, до последнего времени оставалась советская каноническая позиция отрицания наличия секретных протоколов. Признание наличия этого документа, подключение российских историков к международному обсуждению проблемы, появление мультидисциплинарных подходов заметно продвинуло исследования и генезиса самого пакта и совокупности всех причин, приведших к величайшей катастрофе XX века [6, S. 13-21].

Любопытным оказался подход авторов к истории использования самого названия документа в разных странах в зависимости от политических и региональных разделений Европы. Первое название – «Советско-германский договор о ненападении» – активно применялось в дипломатическом обиходе с 1939 по 1947 гг., хотя уже тогда в критической публицистике США, Англии и Франции встречаются названия «советско-германский пакт» или «Пакт Гитлера-Сталина». В период холодной войны 1947-1991 гг. каноническое название документа «Договор о ненападении между Германией и СССР» применяется, как правило, только в Советском Союзе и странах Центральной и Восточной Европы, т.е. в странах Варшавского договора. Использование этого термина, как считают авторы, подразумевало мирный и оборонительный характер документа и всякое отрицание дополнительных протоколов.

Второй тип названия – «Пакт Молотова-Риббентропа» – наиболее часто употребляется до сих пор в странах Центральной Европы. Начинают использовать это название в кругах восточноевропейской политической эмиграции уже с 1939 г. В годы холодной войны диссиденты, в том числе и из СССР, понимали под этим названием один из ярких примеров сотрудничества тоталитарных систем и необходимости борьбы с коммунизмом. Термин «Пакт», по мнению Д. Мюллера и С. Трѐбста, являлся лингвистическим термином, призывавшим к открытому обсуждению смысла заключенных соглашений и признанию существования секретных протоколов к нему. Имена Молотова и Риббентропа подчеркивали средний уровень дипломатического и идеологического значения, не открывая лиц высшего эшелона диктатур. Наконец, авторы приводят и третий тип названия – «Пакт Гитлера-Сталина» или «нацистско-советский пакт» как продукт западногерманской и англоамериканской историографии и журналистики периода холодной войны. В прямом смысле – это симметричное противопоставление понятию «договор о ненападении» и оценка типа режима сторон, подписавших этот документ. Подчеркиваются диктаторские, тоталитарные устройства обеих стран. В немецком варианте акцент делается на имена двух диктаторов, олицетворявших эти режимы. Снятие упоминания о «взаимном ненападении» в этих формулах подчѐркивает существование секретной части. Выступая в Брюсселе 14 сентября 2009 г. на заседании европарламента, посвященного 70-летию со дня начала Второй мировой войны, его председатель Е. Бышек (Польша) упростил термин до «Комунаци-пакт» (Kommunazi-Pakt). Особым случаем в данной типизации являются оценки польской оппозиции социалистического времени, которая называла договор четвертым разделом Польши, после 1772 г., 1793 г. и 1795 г. [Ibidem, S. 22-23]. Конечно, представленное деление носит условный характер и не представляется окончательным.

Для современной историографии объединѐнной Германии «Договор о ненападении…» и секретные протоколы о разделе сфер влияния являются событиями далѐкого прошлого, которые с лихвой затмили последующие трагические события мировой войны и трудные десятилетия возрождения единого государства. Кроме того, те преступления, которые Германия совершила на территории СССР, и жертвы, которые понѐс Советский Союз в борьбе за освобождение страны и Европы от фашизма, заметно весомее, чем критика Сталина как союзника Гитлера.

Предельно точно дал оценку спекуляциям по поводу ответственности СССР за начало мировой войны и определения дня 23 августа 1939 года как спускового крючка мировой трагедии профессор Гюнтер Морш, директор мемориала «KZ Заксенхаузен». Поводом к его статье стало решение Европейского парламента в апреле 2009 г. об объявлении 23 августа днѐм памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Констатируя, что факты о преступлениях нацистского и сталинского режимов на территориях, отошедших по секретному протоколу к зонам влияния Германии и СССР, не являются больше тайной, и горькая правда о событиях того времени и жертвах становится общим достоянием европейской истории, Г. Морш обращает внимание на опасную тенденцию, которая исходит из ряда стран, жертв «секретных протоколов». Автор

подчѐркивает: «—Пакт Гитлера-Сталина” из исторической трагедии пытаются сделать острием «новой европейской памяти» на «поле битвы Европы». Политические заявления преобладают над историческим пониманием. Если бы действительно вспоминать жертв коммунизма, почему не выбрать октябрь 1917 года. С выбором 23 августа «днем памяти жертв…» девальвируется 1 сентября как фактическое начало Второй мировой войны и 27 января как день памяти всех жертв нацизма. Складывается впечатление, что война и геноцид были результатом конфликта, в котором столкнулись, с одной стороны, тоталитарные, а с другой – демократические государства. Нет ничего фальшивее, чем это. Потому что решение нацистов вторгнуться в Польшу зафиксировано в 1933 году, а Советский союз до Мюнхенских соглашений 1938 года вѐл серьѐзные переговоры о коллективной безопасности с западными странами и Польшей. Польша была авторитарным государством и дружественным до начала 1939 года Германии союзником, участвовавшим в оккупации Чехословакии в ноябре 1938 года. Эта попытка создания антитоталитарной культуры европейской памяти может иметь непредсказуемые последствия. Кто хочет для дальнейшего объединѐнного развития Европы учиться у истории, не должен платить эту цену» [10].

Таким образом, в новейшей немецкой историографии отчѐтливо прослеживаются тенденции по деполитизации и деидеологизации в осмыслении места и роли пакта в историческом прошлом Европы. Для историков восточноевропейских стран такое отношение к пакту ещѐ впереди.

Список литературы

1. **Международный кризис 1939-1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР**: мат-лы межд. конф., организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3-4 февраля 2005 г. М.: Права человека, 2006. 560 с.
2. **Моммсен Г.** Интервью радиостанции BBC [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/08/090819_pact_mommsen_interview.shtml?print=1 (дата обращения: 12.09.2013).
3. **Путин В.** Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? [Электронный ресурс]. URL: http://www.inosmi.ru/russia/20090831/252071.html (дата обращения: 10.09.2013).
4. **Случ С. З.** Рецензия на книгу Я. Липинского // Отечественная история. 2007. №4. С. 192-195.
5. **Чубарьян А. О.** Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М.: Наука, 2008. 476 с.
6. **Der Hitler-Stalin-Pakt 1939 in den Erinnerungskulturen der Europäer (Moderne Europäische Geschichte)** / hrsg. A. Kaminsky, D. Müller, S. Troebst. Göttingen, 2011. 566 S.
7. **Halecki O.** Grenzraum des Abendlandes. Eine Geschichte Ostmitteleuropas. Salzburg. 1957. 527 S.
8. **Lipinsky J.** Das Geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffspakt vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999 (= Europäische Hochschulschriften. Reihe III: Geschichte und ihre Hilfswissenschaften; Bd. 991). Bern – Frankfurt a. M., 2004. 442 S.
9. **Luks L.** Richard Overy: die letzten zehn Tage [Электронный ресурс]. URL: http://www.sehepunkte.de/2009/11/17038.html (дата обращения: 22.09.2013).
10. **Morsch G.** Hitler-Stalin Pakt [Электронный ресурс] // Allgemeine Jüdische WZ. 2009. № 8. URL: http://guenter-morsch.de/2009/12/ (дата обращения: 10.10.2013).
11. **Overy R.** Die letzten zehn Tage. Europa am Vorabend des Zweiten Weltkriegs. 24. August bis 3. September 1939. Aus dem Englischen von Klaus Binder. München: Pantheon, 2009. 159 S.
12. **Siepmann M.** Rezension zu: Kaminsky, Anna; Müller, Dietmar; Troebst, Stefan (hrsg.). Der Hitler-Stalin-Pakt 1939 in den Erinnerungskulturen der Europäer. Göttingen, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://hsozkult.geschichte.huberlin.de/rezensionen/ id=17513&count=4&recno=2&type=rezbuecher&sort=datum&order=down&search=siepmann (дата обращения: 15.10.2013).
13. **Troebst S.** Der 23. August 1939. Ein europäischer lieu de mémoire? // Osteuropa. 2009. № 7-8. S. 249-256.

NON-AGGRESSION PACT BETWEEN GERMANY AND SOVIET UNION IN RECENT GERMAN HISTORIOGRAPHY

Borodin Sergei Vital'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Southern Federal University
dddboro@yandex.ru

In the article the recent German historiography approaches to the place and role of the non-aggression pact concluded between Germany and the USSR on the 23rd of August, 1939 are analyzed with regard to the politicized assessments of the event in Poland, Baltic States and Russia. The generalized assessment of the pact in the post-war German history is presented in comparison with the historical tradition of the East European countries.

Key words and phrases: non-aggression pact between Germany and the USSR 23.08.1939; Hitler-Stalin pact; German historiography; regional terminology.